
От редакции

ДАВИД КОНСТАНТИНОВСКИЙ И ЕГО «МОМЕНТЫ ИСТИНЫ»

Моя траектория жизни отчасти
связана с альпинизмом.

Так уж повелось, что юбилейные даты — хороший повод с любовью «оглядеть» виновника торжества, порадоваться его жизненным удачам и достижениям, а заодно и подумать о том, как украсил он собою профессиональное сообщество. Давид Львович Константиновский, человек для журнала «Вопросы образования» не посторонний, дает нам такую праздничную возможность.

Сколько муз стояло у колыбели, когда родился Д. Л. Константиновский? Муза социологии — раз, муза искусства, поэзии и литературы — два, муза журналистики и художественной фотографии — три, муза — покровительница всех экспертов, особенно экспертов РГНФ и НФПК, — четыре. Это те музы, которых можно сосчитать. А сколько их точно собралось в тот памятный осенний день 28 октября 1937 года на Урале, в Челябинске, никто не знает.

«Веселье резвое и нимфы Геликона

Твою счастливую качали колыбель».

1930-е. Предвоенный Челябинск — это окраинные неплановые поселки с беспорядочной трущобной застройкой: Колупаевка, Кирсарай, Порт-Артур, Чертовы Бараки, а рядом модерн и конструкции на американский лад конца 1890-х — начала 1900-х, когда началось строительство Транссиба, перекроившее жизнь города. Потом революция, Гражданская война... Челябинск первых пятилеток — это гигантская стройплощадка, куда двинулись люди со всех концов страны. Плавильный котел, новая промзона, где возводились первые социалистические жилые городки — «соцгорода». «Музы челябинского Геликона» — оттуда. Они проживают на улицах Индустриальной, Фабрично-заводской, Монтажной, Инженерной, Моторной, Сборочной, Лабораторной, Модельной, Сталелитейной, Магнитной, Ферросплавной, Кислородной. Обнаруживаются и в переулках: Гусеничном, Паросиловом, Высоковольтном, Инструментальном, Слаботочном, Поршневом, Слесарном, Конвейерном. Они знают детали машиностроения и металлургического производства. Следят за успехами страны

в арктических исследованиях, в создании Красного воздушного флота и дальнейшем строительстве РККА. Полярная, Авиационная, Осоавиахима, Полюсная, Гудованцева, Островского, Кренкеля, Шмидта, Красных Пилотов — тоже места их обитания.

Давид Львович в одной из бесед¹ очень хорошо рассказал о своей челябинской юности, о семье. Об отце, чудом уцелевшем в политической мясорубке репрессий 1930-х. От отца — любовь к слову, журналистской и литературной работе. «С детства был совершенно “заражен” газетой, журналистским делом, книгами. Работа отца мне нравилась больше всего. Я был счастлив, когда мог зайти за ним на работу. Он читал полосу, а я смотрел, как делается макет. Вся эта техника, это ремесло притягивали меня...»

Рассказ Давида Львовича о себе открывает поколенческие закономерности, не в последнюю очередь определившие состояние дел в тех профессиональных областях, к которым виновник торжества был причастен.

Собственно, одним из постоянных мотивов, которые прочтываются в этом житейском повествовании, можно считать переход из одного состояния в другое, а еще точнее — тяжелый перелом, сопутствовавший каждому этапу.

Все, кто знает Д.Л. Константиновского, отмечают неожиданность таких «перепадов» в его биографии: еще в школе на удивление всем из двоечника-троечника вдруг стал отличником, поступал на факультет журналистики в МГУ — и просто ушел, отказавшись от собеседования, потом учился в Челябинском политехе. В студенческие годы начал писать и прозу, и стихи. Распределили в «почтовый ящик». Оборонка. Новосибирск. Там была своя школа, и вроде бы увлекательная, благополучная. Но, как ни странно, тогда же началось коллективное бегство из одного благополучия в другое: «постепенно все начали сбегать в Академгородок. Институт ядерной физики был самым продвинутым в городке».

Но и физики хватило ненадолго. Все время возникали какие-то новые повороты, соблазны. Вершины, что ли, которые манили своей неприступностью. Кстати, альпинизмом увлекались многие, а Д.Л. Константиновский даже получил звание инструктора. Кругом наука, поэзия. Атмосфера. То ли время такое было — романтическое, щедрое на талантливых людей, заманчивые предложения... Жизнь складывалась, как увлекательный романский сюжет. Так, по крайней мере, кажется сейчас. Необыкновенная динамика, энергия. Академгородок, институт, снова Академгородок.

¹ «Такие вот динамические ряды...» Интервью с Давидом Львовичем Константиновским <http://www.socioprognoz.ru/files/File/history/Konstantinovskiy.pdf>. У этого текста своя судьба. Он состоит из двух частей. Сначала, в 2001 г., собеседником Д.Л. Константиновского был Геннадий Батыгин, потом, пять лет спустя после смерти Батыгина, — Борис Докторов. Другое время. Другие вопросы. Бывают эпистолярные романы, а здесь получился особый жанр — разговорный роман.

Но тут случился 1968 год. Произошла встреча, которая переориентировала все, что только начало складываться. Это был Владимир Николаевич Шубкин — и добрый гений, и демон, искусивший снова разорвать и резко поменять устоявшееся. Тогда, в конце 1960-х, очевидным образом столкнулись и в научной практике, и в биографии Д. Л. Константиновского две сферы — гуманитарная и естественнонаучная. В борьбе живой и неживой материи победила все-таки живая.

Наверное, по-разному можно описать путь Давида Львовича — и жизненный Путь с большой буквы, и путь в науку, в социологию. Но переломные моменты, «моменты истины» судьбоносны по настоящему. К ним следует отнести и «флирт» с «Литературкой», переросший в постоянные и серьезные отношения: публикация книг в те годы была делом подцензурным и трудным, тем не менее препятствия преодолевались, выстроилась — не сразу — своя благожелательная редакторско-читательская среда, да и вступление в Союз писателей в 1964-м подтверждало успехи и литературный профессионализм². В числе собеседников, помощников, иногда защитников, единомышленников — Кондратович, Залыгин, Лидин, без коих русская культура была бы неполной. Что ж? Время советское. Золотое. Незабвенное.

Социологические сети и литературные, таким образом, раскидывались параллельно, пересекаясь все теснее и помогая друг другу. Шубкин, похоже, это знал и все настойчивее втягивал в дело. Так, через полтора-два года после знакомства, в январе 1970 года, в Институте конкретных социальных исследований в Москве состоялась защита диссертации Д. Л. Константиновского на тему «Вопросы социального прогнозирования в области образования: опыт построения математико-статистических моделей». На материале динамических рядов, которые получились у Шубкина, были сделаны математико-статистические модели, и на их основе можно было предсказывать личные планы и шансы на реализацию этих планов для разных групп выпускников школ. Да и вообще исследовать судьбы людей.

Соединение социологии, журналистики, литературы для Давида Константиновского принципиально. Его работы, выступления, вообще склад мысли и научный, художественный почерк

² В Большой биографической энциклопедии Д. Л. Константиновский представлен как русский советский прозаик. Первая публикация — повесть «Ошибка создателя» (1973), сюжет которой составляет детективная научно-фантастическая история, разгадка странного поведения роботов на Луне. Известность получили также повесть «Весьма достойная судьба» (1985) и несколько рассказов, составивших сборник «Последние известия» (1988). Все книги — со своей трудной судьбой. Роман «...Следовательно, существую» в середине 1970-х появился в Москве, в «Советском писателе», а сначала был опубликован в журнале «Сибирские огни». С ним могло произойти то же самое, что случилось с «Доктором Живаго», потому что он должен был выйти за границу, если бы вдруг начальство не одумалось и его не включили бы в план. Место Д. Л. Константиновского в литературе еще предстоит оценить.

показывают: да, такой синтез не просто возможен и осуществим. Он плодотворен.

В какой-то момент Д. Л. Константиновский реабилитировал публицистику для науки, показав, насколько важен не просто язык описания, а еще и научное воображение — необходимый для прорыва элемент, без которого не бывает открытий.

А природу своего писательства Давид Львович объясняет точно: «Как профессиональный актер автоматически повторяет чужую мимику, тренируя свое мастерство, так и литератор, воспринимая мир вокруг себя, бессознательно набрасывает в уме, как бы он это описал». Когда начинается какой-то внутренний перебой, а цвет листы даже еще до бумаги, в уме не находит метафорических эквивалентов, мир вокруг теряет краски.

В понимании Д. Л. Константиновского социология — идеальное место приложения сил для технаря с литературными наклонностями, потому что социолог не может обойтись без литературного инструментария в той же мере, в какой он беспомощен и без точных математических методов. Вот где ремесло сочетается с искусством, гармония поверяется алгеброй...

Очередной перелом подступил вроде бы незаметно. Внешне все шло хорошо: вступление в партию, заведование сектором в Институте истории, густо выходили статьи, монографии. Однако подспудно копилась мелочи — то пустячная ссора с Шубкиным, то зависть коллег и начальства, нелепые отказы и контроль. В конце концов разросся опасный и невыносимый ком. Вдобавок закрылся сектор и наступил вакуум, полная изоляция. Травили по полной программе, используя известные и обкатанные средства уничтожения. Из Новосибирска пришлось уехать. До перестройки тянулась безработица, скитальчество в Москве, перебор случайных мест и занятий, дававших заработок. Пока снова не позвал Шубкин. Решение вернуться в профессию было принято мгновенно. С той поры прошло без малого 18 лет.

«Вы знаете, я и мои родные безумно благодарны тем людям, которые вытолкнули меня из Академгородка. Хотя городок мне снится, а когда вокруг хорошая компания или красивый пейзаж, я невольно говорю: “Как в Академгородке”. Все смеются, потому что заранее знают, что я именно это скажу. Но судьбе не станешь противостоять, тем более — меняющемуся времени. Иногда кто-нибудь приезжает оттуда и спрашивает: “Слушайте, а если бы вы сейчас встретились с этими людьми, которые вас преследовали, что бы вы сделали?” Да если бы не они, я бы никогда сюда не вырвался. Знаете, именно так и решается проблема теодицеи. О добре и зле можно судить не по самому поступку, а по всей цепи, которую он тянет за собой из прошлого в будущее. И тогда в конце концов кажущийся злодей оказывается благодетелем».

К какому типу ученых отнести Давида Львовича Константиновского? Говорят, он не социолог-методолог, методист, а скорее социолог-предметник.

Его многолетняя верность теме образования почти беспрецедентна. Сам Давид Львович так объясняет свой выбор: «Меня интересует, чего люди хотят в сфере образования, в связи с образованием, от образования, и насколько им это доступно. То есть образование как существенная часть человеческих ожиданий, как важная часть судьбы. Отсюда интерес и к сфере образования, и к неравенству, социальной мобильности и прочему с этим связанному».

Все этапные монографии Д. Л. Константиновского — «Динамика неравенства. Российская молодежь в меняющемся обществе: ориентации и пути в сфере образования (от 1960-х годов к 2000-му)». М.: Эдиториал УРСС, 1999; «Молодежь 90-х: самоопределение в новой реальности». М.: ЦСО РАО, 2000; «Неравенство и образование. Опыт социологических исследований жизненного старта российской молодежи (1960-е годы — начало 2000-х)». М.: ЦСО, 2008, — безусловно, относятся к классике жанра, а кроме того, они обладают еще одним важным свойством: каждая выстрадана и пропущена сквозь сугубо личный опыт. Во всех без исключения «дышит почва и судьба».

По индексу цитируемости трудов Д. Л. Константиновский последние три десятилетия сохраняет ведущие позиции в международных и российских измерительных системах и каталогах. Практически ни одна работа, ни одно исследование в социологии образования невозможны теперь без соотнесенности с его научными текстами, давно ставшими в этой сфере эталоном.

Стали общим местом рассуждения об упадке гуманитарной науки, о слабостях и болезнях социологии. Однако без особой натяжки и преувеличения можно сказать, что «островком здоровья» в нездоровой профессиональной среде остается социология образования. Почему?

Рискнем предположить: неутраченная связь с собственными корнями 1960-х, разработка методик на базе актуальных эмпирических исследований, сугубая профессиональная и культурная открытость, обеспечившая выходы на родственные территории — в литературу, журналистику, публицистику — вот что сохраняет и охраняет социологов образования.

Праздный ли вопрос: зачем? Зачем тот или иной человек живет на этом свете? Вопрос, на который в девяноста случаях из ста нет ответа. Давид Львович, на наш взгляд, исключение. Со стороны виднее. Он живет для того, чтобы дезинфицировать, обезвредить, а может быть, и спасти вверенную ему территорию.

«Этот звук, высокий и громкий, заполнивший все пространство, он оказывается не только вокруг, между мной и стенами, — он проникает и в меня, в мое тело, мой мозг, он уже в каждой клетке моего существа, и каждая клетка отзывается, вибрирует в ответ ему.

Ничего. Это нужно выдержать. Нужно идти вперед.

Я помню: мой день рождения пришелся на воскресенье, день занимался ясный и обещал быть солнечным, я приготовил свой обычный завтрак и стал думать, что делать дальше...

Идти. Не оборачиваться.

Идти вперед.

И будет, будет то, что сказал человек с бесцветным, без интонаций голосом, так монотонно, словно читал какой-то текст. Он сказал: возможно. Есть вероятность, сказал он, оценить ее нельзя, но есть. Я обрадовался и испугался. Запомнил слово в слово и спрятал от себя. Будто он не сказал, а я не слышал. Нет, он сказал, а я услышал. Я помню. Может быть, это буду я! Может быть, сказал он, не обещаю, не гарантирую, но, может быть, это будете вы, сказал он; но поймите, что это уже будете не вы... Нет, все-таки это буду я. Все равно — я. И не “может быть”. Я.

И вот огни уже рядом, повсюду вокруг меня, я среди них; звук стихает; кружение огней, их хаотическое — или кажущееся мне таким — перемещение; огни взмывают кверху, их движение подхватывает меня, увлекает с ними; нас закручивает, при этом мы продолжаем подниматься; мы поднимаемся виток за витком, это воронка, она втягивает нас в себя и поднимает все выше...

Много света кругом. Другого. Это дневной свет. Люди вокруг. Кажется, какой-то праздник. Я один из них».

Так заканчивается «Вероятность», один из последних романов Д. Л. Константиновского, который ждет своего читателя.

*Е. Н. Пенская,
заместитель главного редактора журнала
«Вопросы образования»*